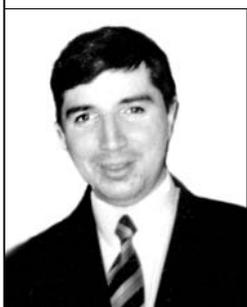

В ПОИСКАХ непредсказуемого прошлого

Арсений Замостьянов

Этой осенью в Таллине прошла представительная конференция учителей истории, которым покоя не даёт, что на карте мира ещё осталась страна, которую давным-давно надо бы растоптать, а оставшихся в живых заставить каяться, отбивая лбы вплоть до третьего пришествия. На конференции соревновались в красноречии посланцы государств, чьи президенты в августе в Тбилиси стояли плечо к плечу с Саакашвили, чтобы угрожать России, собирая в кулаки наманикюренные вельможные пальчики. Был там и Борис Соколов, профессор из России, глядя

на которого, я почему-то всегда вспоминаю пьесу Хемингуэя «Пятая колонна». Профессор говорил о главном, рвал там, где тонко, бил прицельно в самые уязвимые точки идеологии: «В начале девяностых, при Ельцине, преступления коммунизма осуждались чаще и решительнее. А сейчас когда Путин заявляет, что развал Советского Союза был крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия, по сравнению с которой, выходит, меркнет даже Вторая мировая война. Получается ведь, что всё было хорошо, раз можно так говорить, что мы сожалеем,

что советская империя распалась — а она была коммунистической империей». Это правда, в начале девяностых президент России на всех международных перекрёстках проклинал недавнее прошлое собственной страны. Только и он не снискал уважения: на Западе журналисты писали о нём, главным образом, в ликёрно-водочном контексте. Как только Россия опустилась на колени, заговорила извинительным тоном — её окружили кольцом военных баз, а в качестве поощрения дали несколько кредитов, которые вскоре страна начала отдавать, разумеется, с ростовщическими процентами. Да ещё милостиво пообещали принять в несколько международных клубов и отметить поправку Джексона-Веника. Эта поправка была мерой давления на брежневский СССР, который ограничивал эмиграцию евреев в Израиль; её не отменили до сих пор, и до сих пор от нас требуют покаяния и послушания. Причём каяться следует регулярно, наши западные друзья хотят внедрить в России самобичевание как некую сектантскую мистерию, отдалённо напоминающую религиозные праздники Древнего Египта. Когда Пути-на в очередной раз попросили покаяться за пакт Молотова-Риббентропа, президент ответил: «В 1989 году высший представительный орган Советского Союза осудил их. Прямо так и записал: осуждаем эти договорённости между Сталиным и Гитлером и считаем, что это личное, противоречащее интересам советского народа решение Сталина. Это всё уже сделано, просто нужно посмотреть правде в глаза и прекратить спекуляции... Я хочу ещё раз повторить: мы это уже сделали. Мы что, должны это делать каждый день, каждый год? Это просто бессмысленное дело! Кто хочет услышать — тот услышал». Но они хотят слышать это снова и снова! Для этого, конечно, необходимо, чтобы Россия оставалась бедной и слабой. Даже нравственные оценки Россия, оказывается, должна сверять с атлантическим фарватером. Соколов заявляет: «Для того чтобы сблизить наше понимание, должна быть единая нравственная оценка произошедшего. Тех же преступлений Ленина и Сталина. Если применять это к странам Балтии, тогда это надо называть оккупацией, а не

братской помощью, как это называется в трудах некоторых российских историков». Любую попытку уважительно вспомнить какое-нибудь явление советской жизни наши западники с суеверной экзальтацией воспринимают как угрозу немедленного возвращения в прошлое — по щучьему велению, в калошах счастья. По их мнению, чтобы двигаться вперёд, необходимо постоянно плевать в прошлое. Между тем, прошлое не возвращается, точных и успешных реставраций не бывает, но уважительная оценка исторических достижений — это куда более достойная позиция, чем самодовольное глумление над поверженными святынями.

Увы, не только Соколов, но и многие серьёзные исследователи, политики, педагоги ставят нас перед выбором: или тысячелетняя история России до 1917 года, или 70 лет советской власти. Или — или. Уверен, это если не лукавый, то ложный и вредный посыл. К сожалению, в современной школе завелось такое уродливое явление, как «тренинги по толерантности», т.е. уроки демагогии. И петербургский учитель Максим Иванцов (активист либерального молодёжного движения «Оборона») на таких тренингах предлагает школьникам ответить на вопрос: «Кем лучше быть — геем или фашистом?». При этом ребята разделяются «по интересам» на две конкурирующие группы — геев и фашистов. Третьего не дано. Остаётся только посочувствовать тем, кто хотел бы совмещать «два эти ремесла». Думаю, такие уроки — позор современной школы. Такую же ложную максималистическую альтернативу предлагают нам и в трактовке исторического генезиса...

В истории было немало революций, переворотов, смут, но нельзя резать по живому, расщепляя единый организм страны. Для Пушкина Борис Годунов и герои Полтавы были современниками, хотя между ними в истории стоит смута и петровская революция. Для красноармейцев тридцатых годов и для фронтовиков Великой Отечественной современниками были

Александр Невский и Александр Суворов. Разве сегодняшняя всенародная слава Александра Невского не связана с образом князя, который создал в «сталинском» фильме Николай Черкасов? История всегда выбирает всё позитивное и актуальное из прошлого. Тягостные, трагические эпизоды истории тоже остаются в народной памяти, живут в учебниках и научных исследованиях, но для пропаганды, для массового искусства они не годятся.

Есть в нашей стране молодёжное движение, заявляющее о патриотизме и прагматизме, об активной поддержке политики президента и правительства, о борьбе за нравственность в жизни и в СМИ, о приверженности неким демократическим (есть основания предполагать, что речь идёт о *суверенной демократии*) идеалам гражданского общества. По многим выступлениям активистов «Молодой гвардии» очевидно, что они стоят на православных позициях, к тому же очень не любят американский империализм и его марионетку Саакашвили. Нередко «Молодая гвардия» преподносит свои идеи в глянцево-гламурной упаковке — таким образом, надо понимать, приёмы разлагающей массовой культуры оказываются на вооружении у молодых создателей. Каждому, кто интересуется нюансами молодёжной политики, предстоит в пёстрой программе «Молодой гвардии» отделить рациональные зёрна от демагогии, а подлинную политическую позицию — от стремления удобно расположиться на историческом наследии, присягнув на верность всему, что выглядит респектабельно.

Молодая гвардия — молодёжная организация Единой России. У МГЕР¹ уже появились свои публицисты, представляющие новое поколение — Майя Шалунова и Дмитрий Караваев. Последний, например, недавно объяснил, почему он вступает в Единую Россию: это «единственная партия, которая, во-первых, не ортодоксальна и застенела (Владимир Владимирович Путин не раз заявлял, что ротация кадров внутри партии — это обязательное условие того, что эта партия не «сиюминутная», но ориентированная на будущее), а, во-вторых, реально занимается животрепещу-

¹ МГЕР — «Молодая гвардия» Единой России», широко распространённое сокращение.

щими вопросами российского бытия. Почему? О, по одной простой причине. В отличие от так называемых «оппозиционных» партий, «Единая Россия» ответственна перед российским народом».

Созидание, компетентность, ответственность — действительно, без этих принципов политическая партия становится клубом демагогов. Отрадно, что молодые люди, отвергнув юношеский максимализм и самолюбование «духом противоречия», решили рачительно относиться к собственной судьбе и к судьбе Родины. Рядиться в белоснежные тоги, критиковать, глядя на события со стороны, с высокого холма, — занятие постыдное, и было оно в ходу в эпоху деградации и распада страны. Очень хорошо, что решительно настроенные молодые люди не увлеклись этим видом спорта. Но, друзья мои, если вы научились рачительно относиться к дню сегодняшнему, почему в оценках дня вчерашнего у вас сквозят модное чистоплюйство, высокомерие, снобизм?.. К войне с прошлым, с советским прошлым, склоняют нас самозванные международные арбитры, от которых Россия при любом стечении обстоятельств никогда не получит ни уважения, ни сочувствия.

Это хорошо, что внутри молодёжного движения заваривается творческая жизнь. Молодые авторы спорят, пытаются осознать себя как граждан.

Майя Шалунова, например, пишет об «антихристианской направленности коммунистической идеологии», сетует на «уничтожение системы духовного просвещения, и обмирщение отношений между мужчинами и женщинами, и практическое вытеснение нравственности из всех сфер общественной жизни». Это призыв к декоммунизации, с которой, как известно многим в Восточной Европе, хорошо рифмуется и люстрация. В другой статье Майя призывает к созданию нравственной цензуры в СМИ. Главная нравственная ценность современного

буржуазного общества — гей-парад². Из всего остального, включая христианство, давно уже научились варить кока-колу и строгать гамбургеры. Но, увы, социализм (единственная историческая альтернатива) с презрением отброшен, ещё когда «Идущие вместе» уничтожали книги бородатого основоположника — и Майя Шалунова вряд ли признает, что в условиях всевластия частных собственников никакими «рупорами нравственности» массмедиа не станут. Социализм ставит задачи воспитания человека, подавления в нём животного начала, а капитализм животное начало лелеет, ему необходим азартный потребитель, а не человек, «осознающий смыслы». Вместо марксизма приходит не православный батюшка, а политехнолог и психоаналитик, приходит вульгарный фрейдизм.

Когда мы свысока говорим о русском XX веке, о советских идеалах, хорошо бы представить себе лица героев того времени. Тех, кто строил социализм и защищал его на фронте — их, стриженных под «бокс» и под «польку», с седыми волосами, зачёсанными назад. Нет, не в иллюзиях прошли их жизни. И каяться им не в чем. Нужно изучать эпоху с почтением, благодарностью и многому учиться у поколения победителей. Слишком

² Увы, это не преувеличение. В самых толерантных странах мира представители сексменьшинств давно уже выступают перед школьниками, делятся опытом. Приведу одно свидетельство русскоязычной американки: «На позапрошлой неделе дочка пришла из школы и рассказала, что у них в пятом классе был гест спикерс. Это приглашенные учителями люди, которые приходят в класс рассказывать о своих профессиях, проблемах брошенных животных, разные другие темы. На этот раз пришли две лесбиянки. Говорила больше одна (назову её Мадлен), рассказывала, какая интеллектуальная публика в гей-клубах, приглашала, когда дети подрастут, пусть не стесняются к ним приходиться. Еще рассказывала как она любит свою подругу Джулл, как им вместе хорошо, как у них все хорошо в отличие от соседей мужа и жены, которые постоянно ругаются, что никто не может понять друг друга так, как две любящие женщины, что недавно они оформили брак». Любопытная получается параллель: в СССР в школы приглашали фронтовиков, ребята гордились отцами и дедами, их орденами, их боевыми заслугами. К счастью, эта традиция сохранилась и в России. На Западе, чтобы считаться героем, необязательно проливать кровь в Сталинграде, достаточно... быть гомосексуалистом. Таковы новые цивилизационные ценности.

легко некоторые из нас подстроились в начале 90-х под навязанную конъюнктуру. Б. Чичибабин тогда написал:

Мне чужд азарт пьянчуг и краснобаев,
Цвета знамен сменивших на очах,
В чьих святцах были Ленин и Чапаев,
А нынче вдруг — Столыпин да Колчак...

Между тем само название молодёжного движения — *Молодая гвардия* — родом из советской героики. Значит, вы хотите питаться соками советской пассионарности — и это правильно. Но только при этом нельзя (просто постыдно!) морщить нос от «бездуховного» совка.

Конструктивная критика любого периода родной истории, разумеется, возможна. Но малейшая нотка высокомерия по отношению к прошлому — это хамов грех, и он превращает в злонамеренную нелепость любое логичное построение. А уж для творческого, пишущего человека, для публициста снобизм и высокомерие — как водка для северных народов — уничтожают быстро и наверняка. И вот уже не критика получается у молодых активистов, а тысяча первая попытка объехать на хромо́й козе великую державу с великим и актуальным наследием.

Советский период истории Отечества — не единственный материал для национальной гордости. Наша история богата победными прорывами, в ней было несколько золотых веков. Киевская Русь, Всеволод Большое Гнездо, Иван Великий, Иван Грозный, Пётр Великий, героика екатерининских орлов и 1812 года... Поэтика Победы, энергия высокой жертвенности — всё это будет помогать многим поколениям потомков. Но не нужно превращать в патристический символ веры самые трагические и спорные эпизоды истории. К Гражданской войне можно относиться только по-шолоховски — как к трагическому эпосу. А не искать в братоубийственной бойне вдохновляющие героические примеры. Увы, в последние годы всё чаще мы видим, как идеализируется Белое движение.

Первый раунд своеобразной реставрации прошёл на фоне распада и позора 1990–1994 годов. По эстрадам прыгали певцы в «белогвардейских» мундирах, с бутафорскими Георгиевскими крестами. В моду вошли эмигранты, а дворянские корни находил в своём роду каждый второй член ВЛКСМ. Один сатирик славно посмеялся над этой мышшиной вознёй:

Красиво живу я. Сижу в ресторане —
Балык, помидоры, грибочки, икра,
А рядом со мною — сплошные дворяне,
Корнеты, поручики и юнкера.

Погоны, кокарды, суровые лица,
Труба заиграет — и с маршем на плац —
Корнет Оболенский, поручик Голицын,
Хорунжий Шапиро и вахмистр Кац.

Официальным результатом моды на «реставрацию» стало повсеместное (кроме армии) внедрение архаичного обращения «дамы и господа». В массовой культуре важным последствием стала мода на ретродетективы Б. Акунина. Читая про сыщика Фандорина, обыватель ощущал преемственность с царской Россией. Но совсем вычеркнуть СССР из памяти не удалось, и ностальгия по советскому прошлому тоже стала веской приметой нашего времени.

Гражданская война в нашей стране утихла под тонким слоем льда. Страсти приглушены, но очевидно, что для одних распад СССР был «главной катастрофой XX века», а для других — радостным освобождением. Одни воспринимают себя представителями «народа-победителя», другие — детьми ГУЛАГа... И ведь нет у нас иного выхода, кроме компромиссного сплочения. Но достаточно нескольких больших провокаций, чтобы разделение на красных и белых снова обернулось ожесточением раскола. Яростная пропаганда белой идеи, если её соединить с подростковой агрессией, даст разрушительный эффект, выгодный для тех, кто хочет видеть Россию ослабленной и мятежной. Потому и смыкаются наши ревнителю «суда над коммунизмом» с украинскими националистами, с эстонскими ээсовцами, с польскими русофобами. «Молодая гвардия» должна бороться с этим антироссийским фронтом. Увы, белогвардейская романтика соблазняет наших молодых государственныхников, толкает на иррациональную, неразумную тактику.

В советское время мы перебарщивали с марксизмом, опрокидывая коммунистические представления о морали аж в докапиталистическое историческое прошлое. Вот и выходило, что, утверждая важную для русского самосознания героическую 1812 года, мы были вынуждены принимать нелепые оговорки, в которых осуждалась политическая система Российской империи и нивелировалась роль православия в той Победе. И вот сегодня, когда недруги нашей страны неустанно оплёвывают крепость Победы 1945-го, идеологи нового времени повторяют старую ошибку. У них просто язык не поворачивается признать, что именно коммунистическая идеология, спаявшись с традиционным государственным мышлением народа, подняла страну на священную войну. Вот у Франции (которая за четверть века до Второй мировой ещё вела себя как сверхдержава) такой идеологии не нашлось, и никакая линия Мажино не помогла.

Когда сегодня мы слышим, что партию нужно судить по-нюрнбергски и навеки запретить, хорошо бы вспомнить, что три миллиона советских коммунистов пали на фронтах Великой Отечественной. Три миллиона! В 1941-м именно столько насчитывалось в ВКПб. А ну-ка, кто бросит камень в эту партию? В мировой истории политических партий мы видим море демагогии, бесконечные папки компромата, галактики тщеславия, и над всем этим — простреленные, обгорелые красные книжки Великой Отечественной. Подумайте об этом, когда очередной политический оратор будет заклинать красивыми русскими словами: «Декоммунизация, люстрация...». Оратор отработает гранты и не раз ещё подстроится под изменчивую конъюнктуру, а «в сердце народа, в душе благородной людской» хула на великое прошлое останется шрамом.

В 1986–1998 годах наше общество подверглось широкой пропагандистской кампании, ключевым понятием которой был агрессивный антисоветизм. Очень быстро установка на критику и пересмотр

коммунистической догматики превратились в разрушительное самобичевание. Эта логика перевернутого сознания в наше время достигла карикатурной выразительности на Украине и в Эстонии — чествование Бандеры и Мазепы, эсэсовцев и заокеанских шпионов, разговоры о семидесятилетней (для Прибалтики — пятидесятилетней) оккупации... Всё это, несомненно, ждало бы и нас, если бы агрессивный антисоветизм окончательно овладел умами. Интеллигенция с азартом оплёвывала недавние святыни, а заодно отказывалась и от нравственных барьеров, от патриотизма, от уважительного отношения к трудовому народу. Такой идейный климат подходит для смуты, для гражданской войны, для раздоров, для демонтажа государственности и деградации общества. В 1998—1999-х и общество, и наиболее прозорливые представители правящей элиты осознали, что в «открытом обществе» агрессивно подавляется всё коренное российское, и негоже нам оставлять от Родины отцов и дедов выжженную землю.

Самый чёткий манифест отказа от антисоветизма произнёс президент В.В. Путин в дни дискуссии о старом новом гимне: «Если мы будем руководствоваться только этой логикой, тогда мы должны забыть и достижения нашего народа на протяжении веков. Куда мы с вами тогда поместим достижения русской культуры? Куда мы денем Пушкина, Достоевского, Толстого, Чайковского? Куда мы денем достижения русской науки — Менделеева, Лобачевского и многих, многих других? Много из того, чем мы с вами гордимся, — куда мы всё это денем? А их имена и их достижения тоже были связаны с этими символами! И неужели за советский период существования нашей страны нам нечего вспомнить, кроме сталинских лагерей и репрессий? Куда мы тогда с вами денем Дунаевского, Шолохова, Шостаковича, Королёва и достижения в области космоса? Куда мы денем полёт Юрия Гагарина? А также блестящие победы русского оружия со времён Румянцева, Суворова, Кутузова? А также победу весной 1945 года?»

Если мы подумаем обо всём этом, то признаем, что мы не только можем, но и должны использовать сегодня все основные символы нашего государства. Другое дело, что они должны быть соответствующим образом оформлены и систематизированы. И в этом ряду должно быть найдено достойное место и красному знамени, потому что именно этого цвета было знамя Победы нашего народа в Великой Отечественной войне».

Позднейшие события показали, что в подтексте путинского заявления было и уважение к советскому управленческому, цивилизационному опыту, который следует, конечно, не копировать, а совершенствовать. Но уже в середине первого десятилетия XXI века многим стало ясно, что западная демократия и либерализм — отнюдь не истина в последней инстанции.

Признаться, я не уверен, что нам необходима молодёжная политическая организация. В 14—18 лет нужно не общественной работой заниматься, не представлять в органах, а искать себя, учиться, совершенствоваться в профессии. На общественную работу народ делегирует тех, кто чего-то достиг в созидательном труде. В практике ВЛКСМ был существенный недостаток, который переняли все позднейшие молодёжные политические организации: это была фабрика политических карьеристов с организационными способностями и амбициями, приверженных этике болтливости и дилетантизма. Именно из комсомольских аппаратчиков выросла элита девяностых, которая так и не научилась бережливости, потому что бережливый профессионалы, а у них была весьма расплывчатая профессия — *правофланговый*, или, говоря сегодняшними словами, менеджер широкого профиля без заветного трудового призвания.

Среди молодых патриотов многие придерживаются такой точки зрения: да, ренессанс антисоветизма и нацизма в Прибалтике, Польше, на Украине — это скверно, это русофобия, с которой мы должны бороться экономически и идейно. Но внутри

России пришла пора окончательно отказаться от советской версии истории и социологии. Мы должны и русский народ позиционировать как пострадавший от «большевистского рабства», должны громче говорить о геноциде русского народа.

Любители потрясений снова и снова пытаются раздуть конфликт между «советскими» и «православными» — конфликт, которого в народе давным-давно нет, это исключительно элитарная, интеллигентская забава. Как нет конфликта между православием и реликтами народного язычества вроде Масленицы.

Вот одно из наиболее ясных изложений программы реставраторов: «Мне кажется, что здесь нужно действовать более точно, т.е. назвать Октябрьский переворот именно переворотом, а власть — нелегальной, захваченной террористами. Вообще, конечно, было бы очень здорово, если бы современная российская власть смогла объявить себя правопреемником Российской империи. Это не означает восстановления монархии. Россия считает себя правопреемницей Советского Союза, точно так же нужно объявить, что мы — правопреемники Российской империи. Нужно объявить о том, что мы исходим из нормативных актов, которые действовали на октябрь 1917 года... При этом дать понять, что мы растём не из советского прошлого, а и в историческом, и правовом самосознании исходим из нормального правового государства, каким оно было до Октябрьского переворота». Значит, хлипкая, зависимая от Запада февральская государственность, которая сложилась к октябрю 1917-го, должна нас устраивать?

Повторение советской практики, которым то и дело пугают нас правые, не состоится. Как не будет повторений ни царской России, ни либерального позора девяностых. Река времён стремится дальше, и законов Гераклита никто не отменит. Но нам предстоит выбирать, на каких принципах строить будущее. Поэтому оценки исторического прошлого не должны напоминать паническую пропаганду. В последние годы именно забронзовевшие диссиденты-антисоветчики демонстрируют пещерную непримиримость. Их демократия ничем не отличается от большевистской внутрипартийной.

Апологеты демократии редко бывают способны к самопожертвованию, они предпочитают говорить с позиции силы со слабым противником. И не стоит удивляться, что США, стремясь к мировой гегемонии, считают недостаточный демократизм политического лидера весомым основанием для интервенции на другой конец света... Либералам хотелось бы, чтобы принципы уважения к общественной собственности, к государству, народу и труду были свезены на помойку истории. Только индивидуализм и уважение к правам человека, которые часто оборачиваются презрением к правам народа, наконец, государства.

Увлечение белогвардейской романтикой очень быстро порождает классовое высокомерие, от которого недалеко и до словесной агрессии. Характерна очень искренняя реакция двадцатилетней московской студентки на кинофильм об адмирале Колчаке: «Фильм тронул до глубины души... слёзы наворачивались постоянно, и когда эти быдло-большевики кололи штыками наших же офицеров, когда белые под марш «Славянки» шли в бой, когда умирал Каппель, когда расстреляли Колчака и Пепляева... и в самые трогательные моменты, когда Колчак и Анна в очередной раз встречались, расставались, говорили друг другу самые нежные слова... Рядом в кино сидела девочка, бедняга рыдала навзрыд... Мне и самой хотелось плакать во весь голос. Ведь это была наша страна... а её эти скоты большевики вместе с этим ублюдком картовым просто её развалили, варвары!!! сколько отважных, **настоящих**, русских офицеров, **да просто людей перебили!!! Настоящих патриотов!**». *Патриоты против быдла.* Это она не из невежества, это нормальное восприятие художественного замысла авторов фильма. Вот и выходит, что графов и князей у нас сегодня пруд пруди, а рабочих приходится выписывать из Средней Азии и Китая. В обществе, где не стыдно бросаться высокомерным словом «быдло», иного ждуть не приходится.

Сильная сторона партии «Единая Россия» (и потенциально таких движений, как «Молодая гвардия») не в чистоплётстве неофитов, а в здоровом практицизме созидателей, охранителей. Война с «совками», война с собственным прошлым — это занятие совсем не практичное, если, конечно, вы не воюете за иностранные интересы.

Выбор «символа веры» из галереи героев русской истории потребует от нас пронзительности князя Владимира, выбиравшего веру. Помните, как ответил Равноапостольный князь агитаторам за иудейскую веру? *«Но где же земля ваша?» — спросил их Владимир. — И там ли вы ныне?»* Смуглились евреи и сказали князю: *«Прогневался Бог на отцов наших и расточил нас по всем странам, грехов ради наших; Иерусалим, земля наша, в руках христиан». Внук мудрой Ольги отвечал им: «Как же учите вы иных, будучи сами отвержены от Бога; если бы Бог любил вас и закон ваш, не были бы вы расточены по чужим странам; хотите и нас подвергнуть такой же участи?»*. Обратите внимание, с каким прагматизмом рачительный князь относится к выбору веры, к выбору идеологии и государственной стратегии. А ведь это написано в житии святого князя; православная традиция предполагает иррациональный подход, но в государственных делах и святые не манкировали трезвым расчётом.

Адмирал Колчак — личность яркая. Нужно уважать память о трагически погибшем адмирале, но не думаю, что массовая культура должна возносить до небес тех, кто символизирует раскол страны и поражение в военно-политической борьбе. *«Ужели и нам того же желаете?»* — отвечаем мы словами Равноапостольного князя на попытку сделать вождём Белого движения главными героями современной России. Если Россия готовится к эпохе созидания, нам уж скорее может помочь популярность адмирала Сергея Георгиевича Горшкова, а не Колчака. Великий моряк, командовавший героическим десантом в сентябре 1941-го под Одессой, а в 1945-м — славной Дунайской флотилией. Только в круг национальных героев не пускают Горшкова, а наши государственные мужи и идеологи пальцем не

пошевелили для популярности адмиралов Победы. Их деяния, их портреты неизвестны современным школьникам... Я верю, придёт время выздоровления, и мы увидим фильмы об адмиралах Кузнецове и Горшкове, о тех, кому мы обязаны Победой и статусом морской сверхдержавы.

Созидатель не станет отвергать советский опыт и не отнесётся с высокомерием к отечественной культуре XX века. В XX веке важнейшие задачи решались коллективно, массами. Это был ответ времени: просвещение должно было стать делом не элитарным, не служением нескольких талантов и энтузиастов, а системной задачей. Аристократические времена гениев прошли, очень верно рассуждали об этом молодые учёные, герои романа Д. Гранина «Иду на грозу»: «Гении устарели. Гении в науке — всё равно что парусники во флоте. Романтика прошлого! Сейчас наваяется скопом и решают любую проблему. Коллективное творчество, вот тебе и есть гений! Мой шеф — почти гений, а что он без нас — единица. Пусть я ноль. Я согласен. По сравнению с ним я ноль. Но я тот ноль, который делает единицу десяткой».

Неприятна не критика советских реалий, неприятно высокомерие, с которым к живому пласту нашей истории прикрепляются ярлыки: «маразм», «тоталитаризм», «серость». Приглядитесь ко всем этажам культуры того времени, и вы увидите отнюдь не примитивный, а разнообразный, полный цветущей сложности материал. Примитивизм и зашоренная однолинейность чаще свойственны коммерциализированным культурам. Мы существуем за счёт сибирских месторождений, освоенных отцами и дедами «по призыву партии», за счёт сталинской металлургии, устиновской военной промышленности, горшковского флота, пользуемся высоким внешнеполитическим статусом, который был завоёван в 1945-м и в 1970-е и разбазаривался в 1988-го по 1998-й... Не нужно копировать, реставрировать основы и детали того порядка, но уважать его просто необходимо. Если, конечно, мы стремимся к успеху и созиданию, а не к аутсайдерству и декадансу. **НО**